

«У нас нет военнопленных...»

Он называет себя одним из тех, кому Гитлер 22 июня не дал доспать. Взяли Кузьму Михайловича Перевалова на действительную и сразу на Запад. Его воспоминания еще одна страница той войны, в 14 марта сорок первого года нас поездом повезли в Белоруссию. Ехали целый месяц. Бичурских было много: Казарбин Василий, Унагаев Андрей Ильич, Скуратов Иван Иванович, Унагаев Алексей Владимирович. Поезд расформировывали прямо в пути: отцепят вагон - кого в ту, кого в другую часть. Приехали в Дрогобичи. Чудно все там: и климат другой (самое большое зимой 18 градусов), и природа, и люди.

Начались занятия в учебке. Я попал в мото часть. Изучали мотоцикл. Строевая, огневая стрельбы. В четыре часа на рассвете 22-го началась бомбежка. Мы ничего не можем понять. Кто успел деться, а кто и нет выскочили из казарм. В небе зарево: город уже горит.

Земля ходуном ходит, дома рушатся. Мы в лес. Многие без оружия.

Признаться, мы и в караул го зачастую ходили с карабинами без патронов.

Рассвело. Мы вернулись. Командиры наши опомнились, а связи уже нет. Все, отрезали. Но оборону за городом мы заняли. Лагерь уцелел, а город догорал. До границы от нашей линии обороны 30 км. И начал нас фашист хлестать. Только отобьемся, он опять идет. Да у него ж техника, а у нас дедовская трехлинейка.

Самое страшное, что немцы сбрасывали десант за десантом в наших тылах. Окопаемся, а фронт у нас опять в тылу. Пехотинцы начинают прочесывать местность. Я ни одного своего родного самолета не видел. Танки, правда, маленькие зеленые, были. В первый же месяц нас окружили. Самолеты, танки, пехота поперли. Мы уж порой не чаяли прорваться. Думали, как жизни свои подороже отдать. Выходили группами: где ротой, где дам, но не поодиночке. Только прорвешься (мы с Василием Казарбиным в одной роте были) они впереди нас. И так год и три месяца. Вот она какая была, наша война. От полков остались роты. Дивизии сводились в отряды в несколько сот солдат. Было и так: неизвестные командиры объединяли неизвестных бойцов и вели на прорыв. Так кочевали мы из окружения в окружение, теряли товарищей. Тогда-то многие стали «без вести пропавшими».

Мне сейчас кажется: все расстояние от границы до Харькова был один сплошной бой. Непрерывный бой с 22 июня и до сентября 1942 года, когда я попал в фашистский плен. Мы в очередной раз бросились на прорыв, а тут нахлынули танки, самолеты, пехота. Пробивались небольшими группами в 12-20 человек. Куда там! По полям, лесам, деревьям - все сплошь прочесывали отряды пеших, мото части и фельджандармерии.

В тот сентябрьский день многих побил, а меня контузило. Бомба недалеко взорвалась. Осколок попал в каску. В каске вмятина, а меня выбило из сознания. Больше ничего не помню. Очнулся, несут меня волоком, а я

через кровавую пелену в глазах ни земли, ни неба не вижу. Потом рассказывали: наши солдаты подобрали меня, иначе бы фрицы пристрелили на месте».

И для Осипа Трифоновича Афанасьева начало войны стало сплошным боем с раннего утра 22 июня 1941 года. Парень из поселка Швейная фабрика служил на действительной в Находке, когда в воздухе «пахло грозой».

«Перед самой войной, 15 апреля, переодели нас, 1,5 тысячи человек в форму пехотинцев и - на Запад. «На учения», - сказали перед отъездом. 21 день мы качались до Бердичева, что в 150 километрах от Киева. Проезжая Улан-Удэ, выскочили из вагонов, в привокзальных киосках закупили сухарей, саек, а поезд уже «туту». (Лишь через семь лет из германских рудников я вернулся сюда). И вот мы в учебных лагерях под Бердичевом. Я еще в тридцать восьмом закончил шоферские курсы в Улан-Удэ. Теперь получил полуторку с учетверенной установкой противовоздушной обороны (четыре спаренных пулемета). Расчет - радист, стрелок, наводчик и я, водитель.

Через неделю мы оказались в Шепетовке, получили приказ разместиться в лесу, замаскировать машины. А в четыре часа утра в предрассветных сумерках полетели над нами самолеты на восток. Хотелось думать - наши, учебные. А утром увидели наших отступающих, истекающих кровью пограничников. Две недели держали оборону в шепетовском лесу. Истоцились силы. Связи нет, коммуникации нарушены. Приказы, говорят, поступали самые противоречивые, в основном такие: «Перейти в наступление и отбросить врага за границу». Лишь на 12-й день дали нам приказ отступать. Машина моя сгорела во время первого налета, сам я успел спрыгнуть и укрыться в борозде. Между прочим, подсчитал ли кто, сколько погибло нашего брата в первый день войны, не увидев ни одного живого фрица и не сделав ни одного выстрела? Остался я без машины, но с карабином.

На четвертые сутки дошли до Днепра. Приказ: стоять насмерть. Месяц в непрерывных боях держали оборону на берегу Днепра. Страшна была переправа через реку. Ночью на паромках, на плотках, при свете ракет и под разрывы снарядов. Днепр стал красным от людской крови. Зацепились мы в 80 километрах южнее Киева в Ржищевском районе (В семейном альбоме Осипа Трифоновича я увидела фотографию двух молодых людей с печальными лицами, прислонившихся друг к другу. На обороте фотографии надпись: «На память другу Осе от Лищенко Свирида Федоровича и Дедюшенко. В плену, 1943 год. Ржищевский район. Село Пивцы).

Неисповедимы судьбы солдатские! Сегодня красноармеец Афанасьев защищает малую Родину красноармейцев Лищенко и Дедюшенко, а через несколько месяцев вес они оstarбайтеры, работающие в штольнях Германии. Вернувшись на Родину в сорок седьмом году, они долго будут писать друг другу короткие письма.

А пока для них продолжалась война. По пути на Чернигов, минировав дорогу, чтобы не прошли фашистские танки, Осип Трифонович получил легкое ранение в ногу. Неделя в полевом госпитале - и опять за баранку. За

Днепром он снова получил машину, воевал в 133 автобатальоне. Тогда-то они узнали, что такое обстрелы с самолетов: только тройка пролетит, на смену ей новая...

«Истерзанные дивизии отступали с боями к Чернигову. В районе Козельска фашисты прижали нас полумесяцем к болоту. Сутками без еды, сна, отдыха мостили гать, чтобы выйти самим и технику вывести (попробуй оставить машину сразу под трибунал, законы суровые были).

Окончательно кольцо вокруг нас сомкнулось в районе Кировограда. 250 тысяч солдат оказались отрезанными от своих. Наши командиров поубивало, но были из других частей, присоединившиеся в пути. Были даже офицеры Черноморского флота. Один из них вел нашу группу из 14 человек. Прорвались через болото. 60 километров прошли лесом. Не ели, не пили неделю. В сумке от противогаза нашел сухарик и кусочек сахара. Сосал по крошке. Я не курил и не курю, а кто курил, тот мох, траву сухую использовал вместо табака. Шли по оккупированной территории, ночами скрываясь, обходя деревни. Где-то между селами Сосновка и Фарбована попали мы с другом в переplet: нарвались на фашистов. Солдатскую форму давно сняли, документы ликвидировали. Пробирались убранным полем. А они трое спрятались в суслоне: вся местность, была разбита на сектора и прочесывалась. Они нас давно заметили, а мы ползем от копешки к копешке и не знаем, что нас ждут: «Рус, хальт!» Стоят над нами офицер и два солдата с автоматами. Привели в Фарбовану, загнали в школу. Здесь уже 500 человек пленных. Их раньше забрали: русских, казахов, армян, евреев.

Деревянная школа огорожена штакетником. Распинали кого куда. Мы в мастерскую попали. Стоим молча. Всю ночь простояли. Лечь, сесть некуда. Не то что яблоку, семечку от яблока некуда упасть. Долгая это была ночь. Думалось: где же те триста танков, которые говорят, должны прислать на выручку Тимошенко? Почему ж ни одного не прислали? Где же наши соколы? А как насчет первого параграфа Устава? Мы же до сих пор помним его наизусть: «Всякое нападение на социалистическое Отечество рабочих и крестьян будет. Я отбито всею мощью Вооруженных Сил СССР с перенесением боевых действий на территорию напавшего врага».

Нет, не по доброй воле оказались они в лагерях смерти, хотя «мудрая» сталинская формула «У нас нет военнопленных, есть изменники Родины» перекладывала всю вину на солдат. Они стали невольниками вследствие общей неподготовленности к войне. Но обстоятельства пленения у каждого свои. Сколько людей - столько судеб...